

П.Н.Панченко, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Нижегородского филиала Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

ИЗ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ – В АННАЛЫ ИСТОРИИ
(профессор Галай Юрий Григорьевич)

Аннотация. Анализируются научные и педагогические достижения ученого, а также его краеведческая, публицистическая и иная подвижническая деятельность, раскрываются истоки и содержание его многогранного таланта, причины неожиданного обрыва жизненного пути, вносятся предложения по рациональному использованию его творческого наследия.

Ключевые слова: достижения, деятельность, истоки, содержание, талант, причины, жизненный путь, предложения, рациональное использование, творческое наследие.

Юрий Григорьевич Галай, являвшийся крупным специалистом по существу по всем направлениям и аспектам истории государства и права, по странному совпадению ушел из жизни в Год российской истории. Поэтому само собой напрашивается ассоциация: из истории вышел – в историю и вошел.

Но слишком уж кратким представляется в таком лаконичном изложении творческий путь ученого – длиною в целую жизнь. Между «выходом» и «входом» – почти полвека света отечественной и мировой историй, причем последние почти сорок лет – в ее государственно-правовом обрамлении. И если уж совсем не обойтись без ассоциаций, то я бы сказал так, что путь Галай – это его путь в историко-правовую науку, и, конечно же, путь в ней самой. А из нее – прямо в анналы истории.

Юрий Григорьевич действительно весьма прочно «прописался» в науке, которой отдал жизнь. Особо памятен он для тех, кто лично знал его. Для них он навсегда останется человеком, который как бы на время уехал куда-то – может быть, в очередную командировку, и вот-вот скоро вернется – как всегда, подтянутый, веселый, жизнерадостный, со своим постоянным искрометным юмором, массой впечатлений, с сумками, полными всякой всячины и, конечно

же, редких книг, подарков для родных, близких, друзей, с массой новых идей, замыслов, планов.

А знал этого вдумчивого ученого, рассудительного педагога, фанатичного краеведа, заядлого библиофила, блистательного публициста и, наконец, просто замечательного человека едва ли не каждый достаточно образованный нижегородец. А также, как мне кажется, вообще любой россиянин, который, так или иначе, соприкасался с литературой по общей и правовой истории – как нашей, так и зарубежной, с работами по римскому и иному древнему праву, как, впрочем, и по истории средних веков, новейшей и уже современной истории.

И, конечно же, с литературой по истории родного Нижегородского края, по событиям, которые в этом крае когда-либо происходили, по выдающимся людям, которые здесь жили, творили или просто бывали, проявляли интерес к Нижнему Новгороду, его удивительному кремлю, самобытной архитектуре, уникальному географическому положению, неповторимым окрестностям, исконно русской природе, интересным людям, по своему все еще иной раз оказывшим и до сих пор иногда мило произносящим словосочетания типа «помидора зеленая...», «одею варежки...», «ехай туды...», «иди сюды...», «брательник мой ...»... И, кстати, не теряющим случая, чтобы по весне или осени самому впрячься в плуг (в буквальном смысле) и вспахать законные шесть соток родной русской земли.

Галай удивительным образом совмещал в себе глубокого знатока как общей, так и правовой истории – как своей страны, так и практически всего зарубежья. Наверное, такое сочетание интересов является вполне естественным для настоящего историка, но у Юрия Григорьевича оно было настолько тесным, неразрывным, органичным, что, казалось, иначе и быть не может.

Сейчас уже трудно сказать, какой именно истории он был больше привержен – общей или правовой, но, судя по всему, как та, так и другая была для него в равной мере приоритетной – ведь ни одна из эпох никогда не обходится

без законов, а законы во многом определяют содержание, дух и особенности эпох.

Галай жил и творил в строго отведенное ему Богом и судьбой время, и в строго определенном для него месте – в Нижнем Новгороде. Но создавалось такое впечатление, что живет и творит он во все времена и на всех пространствах, потому что его исследования касались буквально всего, что есть на этой земле, всего сущего и должного, возможного и невозможного, всего, что было, есть и будет. Помня постулат Конфуция о том, что тот, кто хочет знать будущее, должен знать прошлое, Юрий Григорьевич буквально не вылезал из него – этого самого прошлого. Порой казалось, что там он, собственно, и родился.

Во всяком случае, перипетии былых времен, похоже, беспокоили ученого гораздо больше, чем события нынешние – совсем вроде бы не героические, а какие-то будто бы обычные, и даже, может быть, обыденные, сиюминутные, повседневные и, конечно же, преходящие, как бы ненастоящие, искусственные что ли. Там – вечность, переливающаяся всеми красками бытия и будто бы играющая сама с собою, совсем неторопливое движение времени, безбрежность пространств и где, как пел великий бард, «все давно уже друг другом прощены», а тут бурлят страсти, свирепствует зависть, месть, ревность, кровавая политика, кипит жажда всего и побольше, здесь и сейчас, отплясывает свой бесовский карнавал сумасшедший бег времени, а по обочинам широкой исторической перспективы все как будто замерло, затаилось, остановилось, наткнувшись на какие-то условности, ограничения, немощь и беспечность, перевернулось и обратилось в какую-то одну сплошную скуку, окрашенную слепым, тоскливым, мрачным и скучным меркантилизмом, прагматизмом, эгоизмом и т.д. Ждет, по-видимому, своего собственного зажигательно-феерического, гламурно-веселящего и триумфально-победного часа.

То, что Галай относился к дню сегодняшнему менее восторженно (скажем так), чем к прошлому, объясняется, по-видимому, издержками профессии, которая заставляла ученого по существу всю сознательную жизнь «копаться» в том, чего уже давно нет, искать и находить там что-то такое, что могло бы

стать поучительным для настоящего и будущего. Во всяком случае, если Юрия Григорьевича что-то и раздражало, так это то, что порой и там, в дорогом и любимом его прошлом, он находил в сущности те же пороки, которыми все еще глубоко поражена наша сегодняшняя действительность, а именно нерасторопность и продажность властей, неграмотность и глупость предпринимателей, бездушные и черствые простых людей в их отношениях к ближнему, пропасть между бедными и богатыми, непомерный труд и тяжкая доля народа, с одной стороны, и купание в сытости и счастье элиты – с другой, а также прочие, казалось бы, вечные наши беды, в том числе воровство, грабежи, разбои, бандитизм, убийства, террор и т.д.

Скорее всего, такое мое представление обманчиво, но при взгляде на Галая, на его жизнь, творчество, подвижничество, оно только укрепляется. По крайней мере, все у этого человека было подчинено познанию прошлого, а настоящее если и интересовало его, то, похоже, только постольку, поскольку могло лучше понять прошлое. То есть по прошлому он судил о настоящем и будущем, а по настоящему и возможному будущему – о прошлом.

Уход Галая стал полной неожиданностью для всех нас – его коллег, друзей, товарищей. Все мы оказались вдруг в какой-то растерянности. Непонятно было, куда бежать, что делать, кому пожаловаться о случившемся. Невозможно было смириться с мыслью о том, что без Галая остаются не только его семья и широкий круг его коллег, друзей, товарищей, но и еще факультет права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НФ НИУ – ВШЭ, «вышка»), то есть, прежде всего, студенты, привыкшие к его непринужденной и, я бы сказал, несколько задорной манере чтения лекций, проведения занятий, бесед, консультаций. Трудно представить, что этот вдумчивый и интеллигентный человек уже никогда не переступит порог родного вуза, не прочтет студентам свою очередную, так сказать, забойную лекцию, что его уже вообще нет среди нас.

Многогранность таланта Галая в сочетании с его удивительными личностными качествами определяли то, что буквально каждый, кто с ним, так или

иначе, соприкасался, считал его своим – причем, как говорится, «в доску». Историки считали его историком, краеведы – краеведом, библиофилы – библиофилом, а мы, юристы – конечно же, юристом. Символично то, что Юрий Григорьевич ушел из жизни в преддверии целой плеяды исторических и юридических дат. В их ряду – День народного единства (4 ноября)¹, День юриста (3 декабря)², День прав человека (10 декабря)³, День Конституции РФ (12 декабря)⁴. Все это лишний раз подчеркивает многостороннюю профессиональную принадлежность Юрия Григорьевича, в том числе историческую и юридическую.

Без тени смущения и со всей ответственностью могу заявить, что Галай – это одна из *вершин* всего того, чем сегодня располагает наша юридическая наука в области истории государства и права. Например, одна его монография об истории высшего юридического образования в России перевешивает буквально все, что ранее было написано у нас по этой проблематике, в том числе за долгие годы советского и досоветского периодов. В ней он, так или иначе, «зацепил» по существу всю историю человечества, если учитывать огромный (если не решающий) вклад в нее высшего юридического образования.

В силу многолетней совместной работы с Юрием Григорьевичем в Нижегородской академии МВД РФ и НФ НИУ – ВШЭ (в общей сложности совместная работа продолжалась более четверти века) мне довелось много и тесно общаться с этим значительным и замечательным человеком, а поэтому уход его образует в моей жизни такую пустоту, которую уже, наверное, никем, ничем и никогда не заполнить.

Несчастье произошло на 68-м году жизни, вечером 2 ноября 2012 года – после насыщенного, как всегда, трудового дня. Кстати, не вполне завершено – вечером предстояло прочитать еще одну лекцию в каком-то дружествен-

¹ В этот день в 1612 году Нижегородское ополчение во главе с купцом К.Мининым и воеводой Д.Пожарским прогнало из Москвы польских интервентов и положило конец так называемому смутному времени.

² 3 декабря (20 ноября по старому стилю) 1864 года была принята серия уставов и других нормативных правовых актов, ставших основой проведения судебной реформы. Этот день вплоть до 1917 года считался российскими юристами их профессиональным праздником.

³ 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН принята и провозглашена Декларация прав человека. В честь этого события 4 декабря 1950 года Пленарное Собрание Генеральной Ассамблеи ООН постановило ежегодно отмечать 10 декабря как День прав человека.

⁴ 12 декабря 1993 года принята всенародным голосованием Конституция РФ.

ном «вышке» вузе. Подвело, как это нередко бывает у опережающих время людей, сердце. Очень много было у Юрия Григорьевича разных дел – трудных, сложных, нужных, важных: наука, ученики, преподавание, конференции, творческие встречи, в том числе с краеведами, библиофилами, журналистами, участие в телепередачах, публицистика, выступления в подшефных школах, помощь книгами школьным и другим библиотекам, в том числе общероссийским, областным, городским, районным, организация личных книжных фондов в некоторых из них.

Несмотря на постоянную загруженность делами, по существу титаническую занятость, вечные издательские проблемы, написание новых книг, статей, обзоров, текстов докладов, сообщений, работу в архивах, редактирование диссертаций учеников, в облике Юрия Григорьевича никогда не ощущалась сколько-нибудь заметная усталость, не было никакой отягощенности какими-то неподъемными заботами, а тем более не было в нем какой-то непонятной официоза, педантизма, сухости, «убитости» делами, что обычно свойственно многим представителям большой науки. Напротив, он всегда был участлив, предупредителен, заботлив, излучал доброжелательность, неподдельную радость от встреч с людьми, желание помочь им, приобщить их к какой-то очередной своей затее.

Галай, кстати, изысканно одевался, носил всегда хорошо причесанной свою знаменитую кудрявую шевелюру. Впечатляли его всегда до блеска начищенные ботинки, идеально отутюженный костюм, белоснежная рубашка, элегантный костюм, поражал великолепием яркий галстук, внушительный портфель – наверное, из какой-то особо ценной заморской кожи. Производили должное впечатление и его изысканные часы с благородными браслетами. Обращали на себя внимание сверкающие золотом и серебром авторучки, прочие атрибуты современного русского интеллигента, внимательного державшего руку на пульсе истории. Все это по вполне понятным причинам особенно привлекало женщин, которые постоянно крутились возле и вокруг него на разных

орбитах и которым он неизменно дарил (обычно под Новый Год) свои незамысловатые подарки.

Наблюдая за тем, как на каком-то достаточно крупном научном мероприятии в Москве к Юрию Григорьевичу подошла достаточно молодая симпатичная женщина (как потом выяснилось, это была очередная поклонница его таланта – какая-то «профессорша-историчка» Марианна... – отчество и фамилию запамätовал) и как они сразу же начали о чем-то мило «ворковать» (скорее всего, разговор у них был сугубо деловой, профессиональный, но со стороны могло показаться что угодно – каждому, как ранее в таких случаях говорили, в меру его «испорченности»), я, шутки ради, тут же набросал следующие простоватые стихотворные строки (заменив в них для конспирации и рифмы Галая на Романа):

«Роман влюбился в Марианну,
А Марианна – та в Романа.
И нет конца тому роману,
В котором есть Роман и Марианна».

Ученость Юрия Григорьевича никогда и никем не подвергалась никакому сомнению. После превосходной защиты им докторской диссертации среди соискателей ученых степеней вошло в манеру измерять творческие способности друг друга в «галаях» – три четверти, две трети, пол «галая» и т.д. Конечно, шутки шутками, но истина состоит в том, что исключительная научная добросовестность этого ученого была и, как нетрудно предположить, останется на многие годы вперед примером, достойным подражания, в том числе, конечно же, для входящего в науку молодого поколения.

Буквально за день до кончины Галая мы встретились с ним в вестибюле главного учебного корпуса нашего вуза (НФ НИУ – ВШЭ) – он выходил из него, а я – входил. Как всегда Юрий Григорьевич был «в порядке», то есть строен, красив, приветлив, хотя в его обычной при встрече улыбке замечалась и некоторая озабоченность. Мною это было понято тогда так, что человек куда-то

торопится. Поэтому, взаимно улыбнувшись, мы пожали друг другу руки и быстро... «разбежались».

Справедливости ради, скажу, что был у нас с Юрием Григорьевичем (за несколько месяцев до этого – где-то в начале апреля 2012 года, то есть еще до его болезни с сердцем, грянувшей как гром среди ясного дня 1 мая – с того времени, к сожалению, так и не довелось увидеться) несколько сумбурный разговор – об одной нашей общей сотруднице, а именно о лаборанте, работавшей на руководимой им кафедре (административного и конституционного права) и по совместительству – на полставки на кафедре, которой руководил я. Галай почему-то считал эту сотрудницу абсолютно «неприкасаемой» – в смысле категорической недопустимости для нее отвлекаться от забот по его собственной кафедре на какие-то «посторонние» дела – например, даже на самые острые нужды моей кафедры. А мне тогда крайне нужна была помощь – в оформлении какой-то кафедральной документации. Со дня на день могла нагрянуть проверка, а в документах – полный «раздрай», как будто кафедра вообще ничем не занималась полгода. Своя сотрудница уволилась, и долго ее должность оставалась вакантной – из-за совсем низкой зарплаты: что-то пять с чем-то тысяч рублей.

Договориться, к сожалению, так и не удалось. «Не дам Наташку...», и всё тут. Ну что же делать? Понятно, что все мы (люди постарше), в конце концов, «родом из детства», то есть из того лукавого и голоштанного советского времени, когда в подобных случаях казалось, что если отдашь кому-то что-то – хоть самую малость, то вообще можешь остаться без всего. Опять-таки получалось по Конфуцию: имеешь власть – не отдавай ее никому ни капли, так как иначе потеряешь всю. И, естественно, как своих ушей не увидишь больше ни наташкиных дел, ни самой Наташки. Однако та последняя наша с Галаем встреча (в вестибюле учебного корпуса) как бы «списывала» случившееся недоразумение, и в отношениях между старыми добрыми коллегами вновь восстанавливался status quo – как мы, во всяком случае, дали тогда понять друг

другу. Тем более, что к тому времени на моей кафедре уже появилась собственная («полноставочная») сотрудница.

Но почему я рассказываю об этом в принципе нелепом и никому не интересном случае, «черной кошкой» пробежавшем меж нами на какое-то время? Конечно же, не ради «ложки дегтя». А потому, что, во-первых, такой случай все же *был*, во-вторых, он и так уже «вылез наружу», и, в-третьих – в назидание самому себе, продолжающему все еще время от времени наткаться по существу на те же самые грабли. И иногда забывающему известный завет А.И.Солженицына – о том, что никогда, никого и ни о чем не следует просить. Только тоску будешь наводишь этим – и на того, у кого что-то просишь, и на себя самого.

Касаясь научного наследия Юрия Григорьевича, следует сделать особый акцент на том, что оно – громадно, многообразно и, конечно же, весьма ценно. И я не могу припомнить случая, чтобы он когда-либо, где-то и как-то кривил душой – например, притягивал факты «за уши», подводя историю, скажем, под конъюнктуру сегодняшнего дня. Более того, буквально каждая страница его научных произведений наполнена подлинной правдой, если не сказать – «истиной в последней инстанции». По крайней мере, приводимые сведения всегда были проверены, как говорится «на несколько рядов», подкреплялись убедительными аргументами, ссылками на авторитетные источники, мнения маститых специалистов. Не случайны в литературе многочисленны ссылки и на его произведения, масса доброжелательных отзывов о них, обстоятельных аналитических рецензий.

Если говорить кратко, научные достижения Галая состоят в сделанных им открытиях, касающихся, в частности, государственно-правовых закономерностей, определяющих соответствующие исторические процессы. В своих работах ученый показал, в чем сила и слабость власти, каковы причины взлетов и падений государств и их правовых систем, образования и крушения империй, раскрыл факторы повышения и понижения роли регионов в истории государств, в особенности роли Нижегородского края в истории России – от Ниже-

городско-Суздальского великого княжества, а также спасительного для России ополчения Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского и судьбоносной для экономики страны Нижегородской ярмарки (вначале – Макарьевской) и до флагмана российского автомобилестроения ГАЗа, создания стратегической оборонной мощи в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В этих открытиях Юрия Григорьевича отражены также причины сплоченности и противостояния государств и их правовых систем, властей и народов, различных ветвей власти между собой и всех их вместе с другими институтами управления, центральной власти с властями региональными, государства и бизнеса и т.д. И в центре всего этого – человек с его насущными запросами и потребностями, интересами и правами, в том числе материальными, интеллектуальными, духовными, иными.

Научные успехи Юрия Григорьевича дополнялись множеством и других его важных заслуг. Это, в частности, его большая и плодотворная издательская, преподавательская, культурная, просветительская, публицистическая деятельность, работа по подготовке научных и преподавательских кадров, по участию в создании факультета права НФ НИУ – ВШЭ и руководству ведущей кафедрой данного факультета. Ученый являлся первым деканом созданного им факультета, а первому, как известно, всегда труднее. Таких людей в советское время называли «многостаночниками». Многоцветье его таланта и личностных достоинств было настолько ярким, что еще долго будет согревать и радовать сердца последователей.

Примечательно, что в облике Галая нельзя было усмотреть никакой замкнутости, ухода в себя, попытки смотреть на кого бы то ни было сверху вниз. Как и любой другой человек, много добившийся в науке и жизни, он, конечно же, знал себе цену, но это только заставляло его больше работать. Избегая как чванства, зазнайства и непомерной гордыни, так и ненужного панибратства, Юрий Григорьевич весь запал своей души без остатка вкладывал в науку и преподавание, что и обусловило огромные его успехи на обоих этих главных направлениях творческого пути.

В совместных поездках в научные командировки мне постоянно приходилось наблюдать за Галаем в работе. Особо нравилась его манера быстро записывать что-то, неожиданно пришедшее «на ум», бегло просматривать какие-то документы, тексты, журналы, книги. В эти моменты я старался ему не мешать, и сам начинал заниматься чем-нибудь своим. Иногда он откидывался на подголовник кресла и долго о чем-то думал. Затем, будто очнувшись от каких-то нахлынувших мыслей, вновь продолжал лихорадочно работать. Бывало, дойдя до какой-то «точки», мы оба вдруг как по команде откладывали дела, и наши обычные разговоры снова продолжались.

И вот он ушел... Ушел в расцвете сил, энергичный, на гребне успехов, полный идей, замыслов, планов. Ушел буквально за два дня до мероприятий по празднованию 400-летия освобождения Нижегородским ополчением Москвы, в которых должен был принимать самое непосредственное участие. Остались не реализованными намерения по освещению событий, связанных с 200-летием отражения наполеоновского нашествия. Не удалось завершить начатые монографии, статьи, другие какие-то важные материалы. Многочисленные ученики оказались без научного руководителя. Но, как они сами потом заявляли при встречах, тех наставлений, которые ими получены от Галая, вполне хватит для успешного завершения работы над темами.

Рассказывая о своих творческих планах (это было в начале апреля последнего года его жизни), Юрий Григорьевич как-то посетовал: «Успеть бы... А то ведь могу и не дожить...». Я на это, помнится, отреагировал так: «Да разве можно об этом думать... Если уж стукнет, так куда же от этого деться... Но живем ведь... И будем дальше жить – пока не закончим все свои дела...». Галай понимающе улыбнулся и промолвил: «Да это я так сказал... Нашло что-то. Конечно же, будем жить. Тем более, что дела пока действительно есть...». Больше к этой теме мы не возвращались. Вопрос был исчерпан. Но он все-таки напомнил о себе – после того, как непоправимое все же случилось. Говорят, что после того, как врач сообщил ученому о предстоящей его кончине, он сказать всего лишь три слова: «Как это нелепо...».

Действительно нелепо. Но почему же так случилось, что Юрий Григорьевич ушел столь неожиданно – практически не попрощавшись, как бы «по-английски»? Лично я вижу тому три причины.

Первая, как я понимаю, состоит в том, что чем значительнее человек, тем больше требуется сил для постоянного подтверждения и реализации своей значительности, а это, к сожалению, не всегда положительно сказывается на здоровье. Возможности творческого человека, какими бы большими они ни были, далеко не всегда отвечают все возрастающим запросам людей к нему. Галаю постоянно как бы говорили: «Давай, давай...». И он – давал, давал... Но человек-то – не железный. Силы у него – не беспредельны.

Вторая причина случившегося видится в том, что нагрузка выпала на долю Юрия Григорьевича, как говорится, ломовая – опубликованы десятки книг, сотни статей, выпущены более полусотни учеников – адъюнктов, аспирантов, соискателей, ставших кандидатами юридических наук, а некоторые уже защитили даже докторские диссертации, почти полвека – на трудовом посту, огромная подвижническая деятельность, в том числе на ниве краеведения, библиотечных дел, собирательства редких книг.

Да, Галай – доктор юридических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный работник высшей школы РФ., но все эти приобретения ученый имел, работая еще в Нижегородской академии МВД РФ. Основные же заслуги Юрия Григорьевича относятся к последнему десятилетию его жизни, то есть к тому периоду, когда он работал уже в «вышке», а здесь – полный провал в наградах. Конечно, не одними ими жив человек, но если они есть, то это значительно стимулирует работу. И, естественно, помогает жить. Но в этом – по-видимому, беда всех вузовских филиалов, не имеющих достаточных возможностей для того, чтобы более или менее достойно вознаграждать ученых за достигнутые результаты, в том числе оплачивать научные командировки, издание монографий, учебных пособий, сборников трудов, материалов конференций. Похоже, не хватает иной раз даже бумаги на то, чтобы печатать наградные грамоты, которыми ранее щедро одари-

вались не только видные деятели науки, образования, культуры и т.д., но и рабочие, ткачихи, мотальщицы, чесальщицы, доярки, скотники, механизаторы и другие труженики заводов, фабрик, полей и ферм. И только совсем недавно (10 декабря 2012 года – в День прав человека) Президент В.В.Путин предложил учредить звание Героя труда⁵ – конечно же, как я полагаю, именно для таких людей, как Галай. Несколько запоздалое решение, но сейчас лучшей наградой для него станет наша добрая память о нем.

Наконец, третья причина преждевременного ухода от нас Галай, которая, как мне кажется, окончательно расставляет все точки над «i» и как бы примиряет всех нас в этом вопросе, заключается в том, что Господь (а он все же, наверное, есть – несмотря на вот такие тяжелые случаи) общается с людьми, опираясь, прежде всего, на их таланты. И на тех людей, талантов у которых много, выпадает в связи с этим особо трудная миссия – осуществлять своего рода посредничество между небом и землей.

Это – как крест, который Христос нес на Голгофу. А тут еще гвозди – в виде непонимания и невнимания. Даже Христос этого не перенес. Чего же мы хотели от Юрия Григорьевича, беспечно взирая на то, как он все больше загружает себя разными делами? Не было практически никакого отдыха. В течение учебного года он писал обычно статьи, а в отпусках делал из них книги. И никаких поездок в Египет, Турцию или Испанию. А мы отмечали про себя – как хорошо у Галай все складывается... Если правда то, что загнанных лошадей убивают, то именно мы и убили Юрия Григорьевича, загнав его окончательно своими неумными рукоплесканиями по поводу и без повода.

Но Галай, как и Христос, сегодня как бы воскресает перед нами в своих произведениях, которые многие из нас, конечно же, имеют в своих библиотеках (благо автор щедро делился ими) и которые мы теперь чаще достаем с по-

⁵ Предыстория вопроса такова: за два месяца до этого «Российская газета» опубликовала интервью с полпре-дом президента РФ в Уральском федеральном округе Игорем Холманским (ранее, как известно – начальник танкового цеха одного из заводов Приуралья, прославившийся высказанной им готовностью защитить власть от нападков оппозиции), в котором тот предложил восстановить звание Героя Труда, равнозначное по статусу званию Героя России и учрежденное в нашей стране в 1921 году, но затем с распадом СССР утратившее силу (см.: Балагаев К. Подвиг по плану. Какие герои нужны нашему времени // Российская газета. 2012. 11 октября. С. 10).

лок своих домашних библиотек, пытаюсь найти в них ответы на те вопросы, на которые при жизни автора «в суете сует», может быть, даже не обращали особого внимания.

Правда, есть и другое объяснение такого рода случаям – когда человек буквально замертво падает, останавливаясь как бы на полпути. Митрополит Волоколамский и Архиепископ, Председатель Отдела церковных связей Московского патриархата и выдающийся композитор, автор многих музыкальных произведений («Божественная литургия», «Всенощное бдение», «Страсти по Матфею», «Рождественская оратория»... – это все его) Илларион, выступая 24 ноября 2012 года на телеканале «Россия 24» в беседе с музыкантом Д.П.Коганом (программа «Церковь и мир») затронул вопрос о том, почему гении, как правило, рано уходят из жизни – речь шла, в частности, о композиторах Шуберте, Моцарте, Гварнели... Он по данному поводу сказал буквально следующее: «Бог отмеряет жизнь каждому человеку и дает ему ровно столько, сколько ему нужно, чтобы он реализовал свой потенциал, чтобы он смог сделать все, для чего Господь призвал его в этот мир. Мне кажется, у Бога есть какое-то особое отношение к гениальным людям... У меня есть чувство, что Господь дает человеку возможность реализовать по максимуму свой творческий потенциал. Кому-то для этого нужно прожить долгую жизнь, а кому-то достаточно и короткой жизни».

Этот экспромт Иллариона, превращающий Бога в некоего холодного циника, буквально зашивающегося в бухгалтерских размышлениях о том, «кому сколько надо», к сожалению, далеко не все проясняет в затронутой проблеме. Господь, конечно же, не может «наказывать» людей за их таланты, укорачивая им жизнь, то есть фактически приговаривая их к «смертной казни». Думаю, дело здесь заключается не только и не столько в том, что «Бог отмеряет...», сколько в том, что не в правилах Всевышнего сдерживать таланты в их стремлении «ярче светить». К творческим людям и, особенно, к гениям у Бога – действительно «особое отношение». Но состоит оно не в том, чтобы точно рассчитать и выбрать время, когда нужно сказать гению: «Хватит..! Баста..! Пора – в

мир иной... Собирайся...», а совершенно в другом, а именно в особом к нему уважении, во всемерном ему покровительстве, в помощи ему во всем, что может обеспечить максимальное раскрытие таланта. Поэтому, прежде всего, именно в творческих людях проявляется вот эта самая, как мы говорим, «искра Божья».

Собственно, ради них, гениев, Бог, наверное, и терпит все наши, образно говоря, чудачества на этой грешной земле, не допуская апокалипсиса, армагеддона или иного подобного «конца света», несмотря на самые мрачные предсказания племен Майя, Нострадамуса и некоторых уже нынешних наших прорицателей. Не были бы гениев, Господь, наверное, давно уже, грубо говоря, прихлопнул бы весь этот кавардак. А так, по всей вероятности, еще ждет, пока они (гении) достаточно плодотворно поработают, наряду с наукой, искусством и т.д., еще и на направлении наведения на планете элементарнейшего порядка.

Если, конечно, смотреть на возраст Галая с сугубо формальной точки зрения, то он вроде бы солидный (67 лет), но какая огромная интеллектуальная мощь играла во всей натуре этого человека, какой молодой задор сверкал в его острых глазах, какая во всем его облике была одухотворенность, какая неподдельная радость всегда светила на его лице, каким оптимизмом всегда он пылал, каким жизнелюбом был, с каким ощущениям счастья жил.

Создается такое впечатление, что Юрий Григорьевич как будто специально был создан для всех тех дел, которыми занимался. Он продолжает жить в нашей памяти, в наших душах, сердцах. И чем больше времени проходит со дня его ухода, тем отчетливее высвечиваются все его весьма редкие дарования, его незаурядный творческий и подвижнический талант, удивительно прекрасные человеческие качества, тем полнее и ярче мы понимаем необходимость и ценность его пребывания на этой земле, тем острее для нас эта невосполнимая утрата.

Но чувствуется все же и продолжающееся его присутствие среди нас — хотя, конечно же, незримое. И как-то теплее становится на душе, когда вспоминаешь этого прекрасного человека. Он — навсегда с нами. Как, впрочем, и

мы с ним – в том смысле, что хочется верить в то, что и *мы* ему тоже были нужны, поскольку не только *мы* к нему обращались по разным поводам, но и *он* обращался к нам, когда ему что-то было надо. То есть он жил для нас, а мы для него. А как же иначе? Так и должно быть.

Не могу не отметить свои личные дружеские чувства к Юрию Григорьевичу (надеюсь, они были взаимными), так как это был как раз тот человек, к которому я довольно часто оказывался ближе, чем к кому-либо. Мы были с ним, как я сейчас понимаю, близки и по взглядам, настроениям, позициям, отношению к профессиональному долгу, истории, культуре, краю, книгам, нашему общему ближайшему и более отдаленному окружению.

Оба мы, кстати – из простых семей. И, надо заметить, своим происхождением он (как и тот незадачливый «татарин» из известной песни) очень гордился, рассказывая даже студентам о том, что поставлен на ноги и воспитан одной лишь матерью, притом работавшей всего лишь обычной медсестрой – в обычной поликлинике. Непременно подчеркивал при этом, что каждый – сам творец своей судьбы. Хочешь чего-то добиться в жизни – смело действуй в соответствующем направлении.

Боюсь повториться, но что характерно – Юрий Григорьевич всегда находился в каком-то приподнятом настроении, на его лице всегда сиял какой-то солнечный свет. По всему было видно, что этот человек живет с ощущением настоящего счастья в душе, что это – если не самый счастливый человек на свете, то, по крайней мере, достаточно счастливый для того, чтобы жить достойно, красиво, интересно, плодотворно, и с пониманием того, что ты – действительно счастливый человек. Это, как мне кажется, особенно важно для любого творческого труда, особенно занимающихся еще и преподаванием.

Во всяком случае, если этого (ощущения счастья) у вузовского преподавателя нет, то неизбежные у него *муки* творчества. Как правило, сопровождаются еще и *муками* преподавания. Он основательно дисциплинирует и себя, и студентов, но толку от этого бывает не так уж много. Лучше будет, если он подыщет себе другую работу. Тот же, например, С.Н.Бабурин слетел в декабре

2012 года с поста ректора РГТЭУ не потому, что его вуз оказался неэффективным, а его вуз оказался неэффективным потому что ректор оказался, по-видимому, не на высоте своего положения. Наверное, политика-злодейка не давала ему покоя, причем настолько, что на собственно вузовскую работу сил не хватало.

Без ощущения счастливого своего состояния преподаватель, читая лекцию, обычно сильно напрягается, делает глубокомысленное лицо, изображает важность момента и читаемого материала мимикой, хмурит брови, манипулирует голосом, расставляет какие-то акценты в сказанном, жестикулирует руками, двигает плечами и всем телом, мотает головой, но получается все же, как правило, не то, что нужно, чего-то все-таки подчас не хватает, что-то важное ускользает и, как следствие, должного восприятия студентами лекции нет. Психологическая атмосфера в аудитории оказывается не вполне отвечающей ее назначению – быть не только ретранслятором, но и своеобразным генератором жизненно важных для молодых людей знаний. «Команда молодости...», которой заполнена аудитория, порой скучает, а поэтому многие лекции студентами не воспринимаются или даже вообще прогуливаются. Или они идут в деканат с просьбой о том, чтобы им прислали нового преподавателя.

С другой стороны, если ощущение счастья у преподавателя есть, то лекция обычно идет как «по маслу», нужные слова и фразы не надо подбирать – они сами приходят, и лектору остается их только озвучивать. Юрий Григорьевич ничего такого ни руками, ни плечами, ни головой не делал. Во всем его облике наблюдалось именно ощущение счастья, в том числе от встречи со студентами, от того языка, на котором он общается с ними, от преподаваемого материала, его значимости, перспектив реализации сообщаемых студентам знаний в их будущей профессиональной деятельности. Понятно, что доверия к такому преподавателю у студентов гораздо больше, преподаваемый материал усваивается ими лучше, появляется естественное желание зафиксировать сказанное в конспектах, что-то почитать на эту же тему в библиотеке, основательно покопаться в Интернет-ресурсах.

Должен заметить, что ни с кем из коллег я не провел так много времени в беседах о жизни, времени, обстановке в стране и в мире, о нашей общей профессии, как именно с Юрием Григорьевичем. Особенно много общений было у меня с ним во время поездок в столицу, так как оба мы состояли членами одного и того же диссертационного совета – при Высшей школе экономики, и поэтому часто без усталости мотались туда-сюда. Была уйма времени, но оно быстро пролетало в разговорах, в том числе об истории России и родного края, о царях и императорах, истории высшего юридического образования и старой русской профессуре, о профессиональной и подвижнической деятельности преподавателей-юристов и юристов-практиков в прошлые эпохи, об отношении тогдашней российской интеллигенции к событиям февраля и октября 1917 года, о взаимоотношениях между преподавателями и студентами – тогда и сейчас, о выполнении в императорской России диссертационных исследований, о «тайнах мадридского двора» советского периода нашей истории, о Римской империи и Византии, Александрийской библиотеке и Семи Чудесах Света, об античной культуре, вандалах, основательно разрушивших ее, о культуре средневековья...

Конечно, у всех, знавших Юрия Григорьевича не понаслышке, есть определенные долги перед его образом, светлой памятью о нем. И это не только наши добрые воспоминания о нем – хотя и они, конечно же, нужны и важны. Это еще и научные конференции, теоретические семинары, другие подобные встречи, которые могли бы быть посвящены этому видному ученому, его творчеству, актуальным проблемам истории государства и права России и зарубежных стран. Это еще и сборники материалов, которые можно было бы издавать по итогам подобных обсуждений.

И в заключение сказанному позволю себе предложить 20 коротких стихотворных строк, написанных мною несколько лет тому назад – в порядке поздравления Галая с очередным его Днем Рождения. Стихотворение названо «Великое шоу» – с учетом содержательности и яркости таланта и личности

этого, не устаю это повторять, значительного и замечательного во всех отношениях ученого и человека.

*«Шоу должно продолжаться...»
(выражение, часто употребляемое
в артистической среде)*

Великое шоу

Юрий Григорьевич празднует Дату –
Дату Рождения... Глубже дышите.
Мы Вам, коллега, желаем как брату
Полного счастья... И больше пишите.

Больше пишите о людях толковых,
Тех, что собой возвышали Россию,
И в обстоятельствах жизни суровых
Жили как надо – достойно, красиво.

Юрий Григорьевич, Вы не спасуете,
В этой истории – Вам красоваться.
Так, как Вы сами кого-то рисуете,
Вам самому... рисоваться.

Золотом мыслей струятся абзацы
И получается нечто большое.
Стало быть, надо когда-то начаться,
Чтоб продолжаться великому шоу.